

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 206

В.В. ЧУБАРОВА

**ВЗГЛЯД НА ПОЛЯКОВ
СОБСТВЕННЫМИ ГЛАЗАМИ И
ГЛАЗАМИ РУССКИХ**

Москва
2008

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

Стереотип поляка в польском и русском восприятии: опыт антропологического исследования // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., ИЭА РАН, 2008. – Вып. 206. – 30 с.

В своем докладе автор показывает, что в самовосприятии поляков и восприятии их русскими постепенно проявляется сближение, тенденция ухода от традиционного и исторического противопоставления в восприятии "себя" и "других". Поляки оценивают себя все более критично и беспристрастно, между тем как русские все более склонны находить в них хорошие черты и преодолевать отрицательные стереотипы. Эти взаимонаправленные векторы не отменяют более традиционные, конфронтационные, и двойственность этих двух моделей восприятия не подразумевает их равнозначность. Автор делает вывод, что как бы то ни было, просматривается тенденция к сближению этих двух моделей в целом, которая проявляется главным образом в интеллектуальных кругах.

В.В. Чубарова.

***Стереотип поляка в польском и русском восприятии:
опыт антропологического исследования***

Resume

STEREOTYPE OF POLE IN THE POLISH AND RUSSIAN PERCEPTION: A TRAIL OF ANTHROPOLOGICAL RESEARCH

In their paper about Poles, Russians and Poles themselves gradually draw nearer, to a large extent getting away from traditional and historical opposing in perception of “self” and “other”. Poles appraise themselves more and more critically and impartially, meanwhile Russians are more and more inclined to find good features in Poles and to overcome negative stereotypes.

Of course, these mutually directed vectors do not abolish the more traditional ones, those directed towards confrontation, and ambivalence of both these models of perception does not imply their equivalence. Never the less, the tendency of rapprochement of these two models in the whole, which is displayed mainly in the intellectual circles, seems for us to be obvious.

***"Любовь к Польше – неизбежность для
русского интеллигента"***

*Давид Самойлов.
Перебирая наши даты.*

ВВЕДЕНИЕ

Представление поляков и русских друг о друге давно интересует учёных как России, так и Польши. Особенно возрос интерес к данной теме в последнее десятилетие: проводятся конференции, в т. ч. и совместные, по их результатам издаются сборники научных статей, хорошо знакомые отечественным полонистам и русистам в Польше. Речь идёт о таких книгах, как «*Polacy w oczach Rosjan, Rosjanie w oczach Polaków*» (Warszawa, 2002), «*Поляки и русские в глазах друг друга*» (М., 2000), «*Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*» (М., 2002), «*Polacy a Rosjanie: materiały z konferencji „Polska–Rosja. Rola polskich powstań w kształtowaniu wzajemnych wyobrażeń” Warszawa–Płock, 14–17 maja 1998 r.*» (Warszawa, 2000), «*Поляки и русские: взаимопонимание и взаимнепонимание*» (М., 2000) и др.

Однако при всём обилии литературы по этой интереснейшей теме сложилось так, что вся она сводится к исследованиям историков, филологов и лингвистов, традиционно разрабатывающих её в русле своих наук. Безусловно, стереотипы в художественной литературе, которыми так богата и русская, и польская культуры,

а также языковые стереотипы, отражающие древнейший пласт взаимных представлений (особенно, когда речь идёт о родственных языках) являются очень важными. Это также верно применительно к истории, при изучении которой можно узнать не только содержание взаимных представлений в тот или иной период, но и объективные причины их формирования. Хотелось бы сразу подчеркнуть, что в данной работе понятие стереотип употребляется в самом общем значении, не сводимом ни к перечню приписываемых черт, ни даже к неким предполагаемым моделям поведения.

Нам кажется весьма досадным упущением, что по данной теме фактически отсутствуют исследования в области социальной антропологии, в которых бы исследовался преимущественно современный материал и применялись соответствующие методы анализа, в т. ч. социологические и этнопсихологические. В настоящей работе мы стремились в некоторой степени компенсировать это упущение, показав на примере небольшого исследования, проведённого в рамках дипломной работы, возможности применения методов социальной антропологии в этой области. Кроме того, в отличие от авторов упоминавшихся выше сборников, мы сопоставляли представление русских о поляках не с обратным взглядом, а с представлением поляков о самих себе, т. е. гетеростереотип с автостереотипом, что, на наш взгляд, может быть не менее плодотворно. В дальнейшем, впрочем, было бы интересно также сопоставить представление поляков о русских с их представлением о самих себе, поместив эти четыре комплекса представлений в единое концептуальное поле.

Исследования в этом направлении, как нам кажется, могут иметь не только научную, но и практическую ценность. Ведь именно сопоставление актуальных (а не только исторических!) представлений двух народов друг о друге и о самих себе может разрешить сложности, возникающие в их отношениях. Как и стереотипы, эти современные сложности лишь отчасти основываются на исторических предпосылках, а во многом связаны и с текущей ситуацией.

Вначале мы уже немного упомянули работы, наиболее близкие к нашей теме, однако необходимо сказать и о другой литературе, связанной с ней и частичной использовавшейся в данном исследовании.

Исследование стереотипа поляков у русских с этнопсихологической точки зрения присутствует в отдельных исследованиях – например, в проведённом Е.Л. Коновой в конце 1980-х гг. среди студентов двух московских вузов. Тогда учёные, применив метод семантического дифференциала, проанализировали отношение респондентов к своей и семи чужим этническим группам, среди которых были и поляки¹.

Что же касается автостереотипа поляков, то здесь может быть интересным кросс-культурное исследование по 23 странам, проведённое в 1998 г. Университетом Чикаго (National Opinion Research Center), результаты которого были опубли-

ликованы в книге Т.В. Смита и Л. Джаркко «Национальная гордость. Кросс-культурный анализ»². Кроме того, очень интересный аспект автостереотипа раскрыт в статье польской и американской исследовательницы Эвы Доманьской "[Re]creative myths and constructed history. (The case of Poland)"³. (Хотелось бы отметить, что в работе мы воспользовались не только статьёй. Э. Доманьской, но и наглядным материалом и конспектом её лекции, прослушанной в 2004 г. в Летней школе в г. Познань, за что хотелось бы её отдельно поблагодарить.)

Характеризуя использованную литературу, хотелось бы также упомянуть и работы, не относящиеся напрямую к нашей теме, однако помогшие в построении концептуальной схемы. Речь идёт о таких книгах, как «Славяне в Европейской истории и цивилизации» известного чешского исследователя Франтишека Дворника⁴, а также работа «А.Н. Пыпин о славянстве»⁵, в которой анализируются взгляды этого выдающегося слависта XIX в., и сборник статей «Миф Европы в литературе и культуре Польши и России».

Необходимо сказать несколько слов о том, в каком ракурсе нами рассматривается проблема стереотипов. Это важно подчеркнуть, чтобы избежать впечатления, что сами люди формулируют свои представления в используемых нами категориях. Разумеется, в этом случае, как и всегда в гуманитарной науке, исследователь даже самой постановкой проблемы оказывает влияние на предмет изучения и выводы. Любые представления как таковые существуют и в индивидуальном, и в коллективном сознании в виде некоторого континуума, они редко бывают последовательно структурированы, а зачастую даже не соответствуют требованиям формальной логики, проявляя значительные внутренние противоречия и двойственность. Вместе с тем, исследователь в процессе обобщения и интерпретации материала может выявить некоторые ментальные категории, которым соответствуют вербализованные представления респондентов (либо данные из иных источников). Мы попытаемся обосновать, опираясь на литературу и источники (включая результаты опросов), почему выделенные нами для изучения данной проблемы категории не являются произвольными.

В качестве основных категорий мы берём «европейскость» и «славянство» как две общности – фактически, это две категории ментальной картографии, в терминах отношения к которым во многом и формируются представления и поляков самих о себе, и русских о поляках.

Помимо других сходных моментов, общей для русских и поляков издавна была некоторая «неполная» европейская идентичность. То есть для тех и других характерно отнесение себя к Европе, но одновременно и сомнение в правомерности этого, стремление доказать другим и себе свою принадлежность к Европе или даже превосходство над ней и, вместе с тем, желание осознать свою геополитическую роль в контексте дихотомии «Восток–Запад».

С другой стороны, немаловажной для русских и поляков была идея «славянства»^{*} – принадлежности к большой группе народов, не только родственных по языку, но и осознающих свою культурную близость и некоторое ментальное единство. Идея эта, как будет показано ниже, по-разному воспринималась русскими и поляками, однако в любом случае мы считаем её значимой для авто- и гетеростереотипа поляков наряду с идеей европеизма.

Соотношение этих двух понятий создавало основу для ментальных карт поляков и русских, представляющих собой некое субъективное восприятие геополитической и этнической реальности⁶. Отметим, впрочем, что в первую очередь из этих работ, не касаясь собственно их ракурса, мы позаимствовали сам термин, а именно концепт «Восточной Европы». В данном случае нас интересует представление людей о Европе вообще, и мы сознательно не выделяем «подкатегорий», как бы ставя вопрос ребром: Европа или нет. Для каждого из народов (а точнее – для разных людей и социальных групп) в определённый исторический момент основные концепты могли находиться в разном соотношении: славяне как часть Европы; славяне как «Европа второго сорта»; славяне, лишь частично принадлежащие к Европе; славяне, противопоставленные Европе, и, разумеется, в зависимости от этого Польша занимала на ментальной карте то или иное место.

Кроме рассмотрения места Польши на ментальных картах поляков и русских, мы использовали понятие стереотипа в его узком смысле – как наборы стереотипных черт, тем более, что в данном случае стереотипы эти являются довольно чёткими и в какой-то степени устоявшимися.

Что касается методологии, то данная работа основывается на результатах собственного исследования, проведённого в мае–июне 2007 г. посредством сети Интернет. Нашими респондентами стали свыше шестидесяти польских респондентов и около восьмидесяти русских; в выборке репрезентативно представлены респонденты мужского и женского пола, а также старшей и младшей возрастных групп. Критерием разделения служило то, застал ли респондент в сознательном возрасте этап до 1991 г. в России и до 1989 г. в Польше соответственно, т. е. в какую историческую эпоху формировалось его мировоззрение. Поскольку в среднем Интернет-пользователи принадлежат к более молодому поколению, в старшей возрастной группе сравнительно немного людей старше 40 лет.

Особенностью нашей выборки является то, что, поскольку опрос проводился через Интернет, подавляющее большинство респондентов имело высшее либо неполное высшее образование – в этом плане соблюдение репрезентативности едва ли было возможно. Однако, на наш взгляд, такая особенность, пусть и обусловлен-

^{*} Мы сознательно не употребляем термин «панславизм», имеющий свои, более конкретные значения, наиболее известное из которых относится к идее политического объединения славян, что совершенно не соответствует значению, вкладываемому нами в термин «славянство».

ная спецификой исследования, имеет свои преимущества. Дело в том, что именно в интеллектуальной среде (подчас в научных и литературных произведениях и в идеологии) чаще всего формируются стереотипы, распространяющиеся впоследствии на всё общество. Иначе говоря, исследуя современные представления, бытующие в интеллектуальной среде, мы можем до некоторой степени говорить о тенденциях, которые имеют все шансы однажды в полной мере развиться в обществе в целом.

Наш опрос состоял из трёх частей: свободного описания, процентной методики Дж. Брайема⁷ (в несколько модифицированном виде) по пятнадцати качествам и задания на согласие/несогласие с пятнадцатью утверждениями. Перечень качеств и утверждений формировался как с использованием ответов по методике свободного описания, так и на основе анализа литературы и личных впечатлений автора.

Оценка утверждений использовалась для анализа ментальных карт, а процентная методика по оценке выраженности черт для составления их рейтинга. Также для иллюстрации выводов по обоим вопросам и их интерпретации использовались данные свободного описания.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУССКИХ О ПОЛЯКАХ И ИХ САМОВОСПРИЯТИЯ

Анализ научной литературы, а также отчасти источников, позволяющих судить о развитии интересующих нас представлений на разных исторических этапах, дают возможность сделать выводы относительно некоторых ключевых, на наш взгляд, тенденциях их развития, подчеркнуть важнейшие факторы формирования стереотипа, его содержание и преемственность.

Во-первых, проблема восприятия поляков как ими самими, так и русскими всегда сильно связывалась с идеей польской государственности, места Польши на карте Европы, особенностями польской политической идеи⁸. Важно отметить, что для поляков, по нашим наблюдениям, разграничение между русскими и Россией куда важнее, чем для русских – между поляками и Польшей, что, впрочем, в свою очередь, обусловлено исторически. Такая политизированность имела два аспекта: первый – связь стереотипа с отстранёнными, в какой-то степени философскими, понятиями, выстраивание ментальных карт, несводимость стереотипа к простому набору черт характера, и второй – наоборот, «заземлённость» стереотипов в самом прямом смысле: привязанность к земле. Как для поляков восприятие себя в качестве общности связано со своей этнической (или, точнее, национальной) территорией*, так и для русских историческое взаимодействие с Польшей, породившее стереотипы, с XVI в. было связано с территориальными конфликтами (за владение территорией или влияние на неё).

* Что, впрочем, справедливо для любой другой этнической группы – кроме, разве что, цыган.

Во-вторых, если посмотреть на историю развития польского и русского образов поляков от традиционных представлений⁹ до идей недавнего времени, можно проследить еще одну важную тенденцию. Оба образа прошли постепенную эволюцию от традиционных поляризованных стереотипов «свой–чужой» до противоречивых, амбивалентных образов. Они двигались как бы навстречу друг другу: положительный образ поляка у русских стал заметно «конкурировать» с отрицательным с конца XVIII – начала XIX в., достигнув своего апогея в советскую эпоху, у самих же поляков самокритичный, комплексующий взгляд на себя сформировался позже, после 1918 года. Такой разрыв неудивителен, ведь в случае с приниженным политически народом, каковым были поляки в XIX в., глубокий самокритичный взгляд мог быть просто губителен для национального самосознания. Однако к настоящему времени представления обоих народов стали уже достаточно многогранными, выражающими и позитивную сторону, и негативную. А поскольку содержание их, очевидно, было во многом обусловлено исторически и, как мы предполагаем, подвергалось также, до некоторой степени, взаимному влиянию друг на друга, то и конкретное содержание этих положительной и отрицательной сторон стереотипа у русских и поляков отчасти совпадает.

В-третьих, необходимо сказать о другом факторе, в некотором смысле «уравновешивавшим» политический, – речь идёт о сфере культуры в широком смысле этого слова¹⁰. Именно в сфере культуры «нетрадиционный» взгляд на поляков (т. е. более положительный для русских и более критичный для поляков) формировался раньше и интенсивнее. Поэтому именно в нём стереотип был особенно амбивалентен, тогда как в сфере политической он был куда менее изменчивым. Впрочем, было бы ошибкой сводить негативный стереотип поляка у русских к плоду политики, а позитивный – к продукту культурного взаимодействия. Во-первых, если политику рассматривать в широком смысле, включая в неё оппозицию и общественную мысль, пытающуюся также повлиять на власть, то мы увидим здесь немалые полонфильские настроения (начиная с Андрея Курбского и заканчивая прозападно ориентированными деятелями современности). С другой же стороны, культура тоже существует не сама по себе, а как отражение общественных представлений, и именно в ней, от литературы до музыки, проявлялись все возможные стереотипы, включая наиболее негативные¹¹. Как писал В.А. Хорев, «с одной стороны, культура транслирует стереотипы, с другой – в наиболее высоких своих проявлениях – преодолевает стереотипы, узурпировавшие массовое сознание»¹².

В-четвёртых, и это мы считаем ключевым моментом, образ поляков и Польши на уровне ментальных карт и для самих поляков, и для русских формировался в контексте двух смысловых полей, или, так скажем, в контексте его отношения к двум масштабным цивилизационным категориям: Запад–Восток, Европа–славяне/сарматы. Эти образы являются в значительной степени категоризирующими с XVI–XVII вв. и до конца рассматриваемого периода.

Попытаемся сформулировать также и конкретное содержание двух стереотипов поляка, сделав акцент на преемственности образов.

Образ «поляка-католика», народа, придающего особенное внимание своей вере и борьбе за неё, является одним из древнейших и в авто-, и в гетеростереотипе. После Второй мировой войны его значимость ослабла, однако, на наш взгляд, это во многом связано лишь с временным вытеснением его на второй план (по крайней мере, в том, что касается гетеростереотипа).

Образ польского благородства (изначально – шляхетского, позднее – героического, бунтарского) возникает в автостереотипе с древнейших времён¹³, однако в гетеростереотипе появляется лишь в XVIII в. И там, и там, впрочем, он благополучно просуществовал фактически до конца настоящего времени, впрочем, несколько видоизменившись.

Идея толерантности поляков, появившаяся в автостереотипе очень рано, в той или иной форме сохранилась на протяжении всей истории, однако в гетеростереотипе особенно заметно не проявлялась никогда.

Сарматская теория как значимый элемент самовосприятия польской шляхты в период расцвета Речи Посполитой¹⁴ позднее утратила своё значение, оставшись лишь в виде некоего полупозитического образа, своего рода символа ориентальности Польши.

Представление о хитрости и коварства поляков, вошедшее в гетеростереотип с того же времени расцвета Польши, а точнее – Смуты¹⁵, довольно прочно сохранилось в нём и в последующие века (во многом – благодаря художественной литературе). В автостереотипе в таком виде не проявлялось.

Идея о том, что Польша занимает некое промежуточное положение между Востоком (Россией) и Западом («Польша – как гармошка между Западом и Востоком Европы»¹⁶ и потому обречена на нестабильность, маргинальность и т. п.), в разной форме присуща и гетеростереотипу XVIII-го в. и позднее, и автостереотипу XX-го в. Разумеется, поляки, говоря об этой дихотомии, были намного в большей степени склонны отождествлять Россию с Востоком, чем сами русские.

Мессианский образ Польши в глазах поляков как хранителя нравственных ценностей Запада и просветителя Востока в разных своих проявлениях дожил до XX в. и даже отчасти оказался присущ и гетеростереотипу.

Мессианство Польши связывалось также с идеей жертвенности, призвания одной нации (поляков) своими страданиями искупить грехи остальных, освободить их, что нашло выражение в формуле «За нашу и вашу свободу». Однако за ней стоял и другой миф: идея о том, что Польша призвана стать лидером покорённых славянских народов в их борьбе за независимость. Это была своеобразная форма польского панславизма, которая не оказала сильного влияния на самовосприятие поляков в дальнейшем и не нашла поддержки среди других славянских народов, однако сам факт её очень важен.

Дело в том, что, так сказать, «классический» панславизм в своём политическом (не научно культурном) значении подразумевал главенство России, её покровительство другим славянским странам, и практически во всех из них это, так или иначе, находило поддержку. Только для Польши панславизм, по словам выдающегося российского слависта А.Н. Пыпина, «представлял случайный интерес»¹⁷. Поляки, не желая мириться с главенством России ни в какой форме и столкнувшись с идеей панславизма, единственные примерили роль лидеров на себя (при этом как бы исключив для себя «поработителей»-русских из числа славян, относя к последним лишь народы, борющиеся за независимость от империй) и, не найдя реальной поддержки, перестали интересоваться идеей славянского единства как таковой¹⁸.

Это очень важный для нас момент, показывающий различие в восприятии славянского единства поляками и русскими. В каком-то смысле, впрочем, восприятие это как раз схоже: каждый из этих двух народов единственно возможным лидером славянских наций считал себя. Можно предположить, что именно эта конкуренция за лидерство и предопределила столь сложные отношения русских и поляков: действительно, другие славянские народы, даже отстаивая свою самобытность и порой сопротивляясь имперскому натиску русских либо поляков, никогда не претендовали на лидерство среди славянских наций. Впрочем, проиграв эту «битву за славянское лидерство», Польша, как уже было сказано, потеряла интерес и к самой идее славянского единства в его политическом смысле. Что же касается единства культурного, то оно осознавалось в обеих странах примерно в равной степени.

СТЕРЕОТИПНЫЕ ЧЕРТЫ ПОЛЯКОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПОЛЯКОВ И РУССКИХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ПО ПРОЦЕНТНОЙ МЕТОДИКЕ

Сделав краткий обзор исторических тенденций развития польского и русского образов поляков, перейдём к данным об их современном состоянии.

Анализ свободных описаний, полученных у русских респондентов на предварительном этапе исследования, а также изучение польских форумов и публицистических статей¹⁹, позволили нам выявить пятнадцать наиболее часто упоминавшихся качеств поляков. Они и были включены в анкету для процентного исследования. В список вошли следующие качества: *религиозность, гордость, открытость (доброжелательность), предприимчивость, пристрастие к выпивке, чувство юмора, заносчивость (высокомерие), традиционность, патриотизм, храбрость, трудолюбие, культурность, «себе на уме», лень и вспыльчивость*.

Мы сознательно не раскрывали эти понятия (что казалось неправильным многим респондентам), поскольку они взяты из не регламентированных высказываний людей и являются некими образами, уточнением которых не должен заниматься исследователь. Даже если под каким-то качеством люди понимают разное, само понятие, становясь стереотипом, становится социальной реальностью.

Кроме того, при анализе представлений русских о поляках необходимо учитывать ещё одну принципиальную вещь: как показывают наши наблюдения и результаты исследования (даже не столько собственно результаты, сколько впечатления от самого проведения опроса), у большей части русских (если не у значительного большинства) вообще отсутствует какой-либо стереотип. Многие на этом основании отказывались участвовать в исследовании, другие просто оговаривали это в своём ответе, с трудом находя хоть какие-то формулировки. Поэтому у части респондентов задача описать поляков своими словами вызывала затруднение, а ответы на остальные части исследования давались как бы «наугад», т. е. люди не выбирали вариант, соответствующий их представлениям, а скорее нащупывали это представление, впервые задаваясь этим вопросом.

Также, говоря о списке черт, мы хотели бы подчеркнуть, что попытка провести градацию их как положительных и отрицательных, принципиально не проводилась, хотя в анкете присутствуют и явные антонимы (*трудолюбие/лень*), и семантические пары, соответствующие более и менее благожелательной трактовке одного и того же качества (*гордость/заносчивость*). Хотя анализ стереотипов с этих точек зрения, был бы, безусловно, довольно интересным, такая постановка вопроса и использование соответствующих методик не входили в план нашего исследования, тем более что многие релевантные для выбранной темы качества (*религиозность, традиционность, пристрастие к выпивке*) едва ли укладываются в такие чёткие дихотомические рамки.

Результаты, полученные путём опроса по процентной методике, мы интерпретировали, подсчитав среднее арифметическое следующим образом: для каждого качества количество ответов, соответствующих определённому диапазону, умножали на среднее значение этого диапазона (т. е., к примеру, пять человек, давших ответ, «40–60 %», умножали на 50) и, просуммировав, делили на общее количество респондентов. Таким образом мы получили проценты, показывающие, насколько в среднем респонденты каждой из групп оценивают выраженность у поляков данных качеств. Проценты округлялись с точностью до 0,1 %. Результаты в наглядной форме представлены на рисунке (см. Приложение, рис. 1).

Итак, на первом месте и у поляков, и у русских, оказалось такое качество поляков, как *патриотизм* (66,8 % и 70 % соответственно). Это неудивительно, поскольку, начиная с XIX в., эта черта была одним из важнейших элементов стереотипа и оказалась очень устойчивой ко всем социально-политическим переломам. Обращает на себя внимание, впрочем, что поляки всё же оценили эту черту как менее свойственную своему народу, что согласуется с нашими выводами о растущей самокритичности поляков (ведь идея патриотизма была основой именно положительного образа своего народа, для поляков эта черта была, возможно, более значимой, чем для многих других народов).

На втором месте в автостереотипе поляков оказалось такое качество, как *чувство юмора* (63,4 %), намного ниже оценённое русскими (54,2 %). Это может быть связано с тем, что чувство юмора часто проявляется в бытовых ситуациях и отражается в художественной и прочей литературе, а эти источники достаточно далеки от русских.

На третьем месте (58,1 %) для самих поляков находится такое качество, как *заносчивость, высокомерие*. Очень интересно, что русские также оценили его ниже (51,7 %), несмотря на то, что этот негативный элемент стереотипа устойчиво существовал в сознании русских и в XIX, и в XX вв. Скорее всего, это связано с тенденцией к некоторой идеализации поляков у русских в послевоенные годы, ослаблению негативных компонентов стереотипа и, напротив, с усилившейся в XX в. критической оценкой поляками своего народа.

Далее в рейтинге автостереотипных качеств поляков идёт то самое *«себе на уме»* («с хитринкой» в польской версии опросника). Поляки оценили степень его выраженности на 57,8 %, а русские на 53,9 %. Как мы уже отметили, сравнивать эти цифры можно с большой натяжкой из-за отсутствия точного совпадения понятий в польском и русском языках, но, тем не менее, степень различия, как нам кажется, довольно небольшая.

Традиционность поляков была оценена ими самими и русскими примерно на одном уровне (57,2 % и 59,3 %). Впрочем, небольшой перевес в пользу русских, как и в случае с оценкой патриотизма, опять-таки представляется нам неслучайным.

Разительно различается оценка двумя группами респондентов такого качества поляков, как *лень*. Если сами поляки оценили её выраженность как соответствующую 56,9 %, то русские – всего лишь на 38,4 %. Из всех рассматриваемых качеств именно по этому разрыв максимально велик (целых 18,5 % (!), и, на наш взгляд, это объясняется тем, что даже в то время, когда стереотип поляков у русских был резко отрицательным, лень не являлась его сколь бы то ни было значимым компонентом. Кроме того, по нашему мнению, лень является одной из ключевых черт собственного автостереотипа русских (что отражено и в фольклоре), а это в некотором смысле препятствует активному приписыванию этого качества другим. У самих же поляков, как мы уже говорили, всё более выраженной становится самокритика в автостереотипе, что проявляется и в подчёркивании этого недостатка (особенно в сравнении с преуспевающими западными соседями).

Оценка *открытости и доброжелательности* поляков почти не различается по двум выборкам, составляя, соответственно, 54,5 % для поляков и 53 % для русских.

Религиозность поляков ещё одно (наряду с *патриотизмом, заносчивостью* и т. д.) исторически укоренённое стереотипное качество поляков, которое сами они оценивают заметно ниже, чем русские: 53,3 % против 62,8 %. Скорее всего, это

связано с тем, что устойчивый образ «поляка-католика» в современном обществе всё меньше соответствует действительности и, разумеется, автостереотип отражает эти изменения более чутко, чем гетеростереотип, всегда в большей степени опирающийся на предшествующую информацию.

Оценка *вспыльчивости* поляков отличается следующим образом: 52,8 % – по их собственному мнению и 40,9 % – по мнению русских. Надо сказать, что черта эта по большей части ушла из гетеростереотипа в XX в., а вот относительную выраженность её в автостереотипе объяснить трудно.

Храбрость поляков, ещё один устойчивый образ (для них самих – с древности, для русских – с XIX, а, может, и с XVII в.) оценен представителями двух народов практически на одном, хотя и относительно невысоком уровне: 51,4 % и 52,5 %. Впрочем, сам факт перевеса русских здесь показателен, как и в описанных выше случаях.

Пристрастие к выпивке, такое своеобразное, но часто упоминавшееся в свободных описаниях качество, сами поляки оценили как в заметно более присущее своему народу, чем русские (50,6 % против 42 %). Здесь, на наш взгляд, ещё более, чем в случае с ленью, важен тот факт, что выпивка – неотъемлемая часть собственного (и не только) образа русских, так что мало кого они готовы в этом вопросе поставить наравне с собой. Для самих же поляков эта черта довольно значима как противопоставление Западу: иногда позитивно, с акцентом на самобытность и некую «славянскую иррациональность», иногда – в виде «польского комплекса».

Трудолюбие поляков было в среднем оценено ими на 50,2 %, тогда как русскими – на 57,3 %, что опять говорит о критичности автостереотипа в сравнении с гетеростереотипом.

Предприимчивость поляков сами они также оценили ниже, чем русские – здесь разница составила 6,4 % (46,7 % и 53,1 % соответственно). Возможно, дело здесь в том, что русские во многом опираются на впечатления советского времени, когда поляки часто привозили на продажу в СССР престижные товары, да и вообще пытались максимально развивать рынок в условиях плановой экономики.

Что интересно, такое «классическое» стереотипное качество поляков, как *гордость*, в рейтинге занимает одно из последних мест: второе с конца (45,6 %) в оценке поляков и пятое с конца (51,7 %) в оценке русских. С чем связано такое изменение восприятия, сказать сложно, но, возможно, это связано с политическими причинами, – ведь и среди русских, и среди поляков есть представление о чрезмерном заискивании польских политиков перед Западом, связываемое с недостатком гордости.

И, наконец, один из разительных контрастов представляет собой оценка такого качества, как *культурность*: у поляков оно получило наименьший процент в рейтинге (44,5 %), а у русских – заняло третье место (60,6 %). Это очень показатель-

ный факт, связанный, скорее всего, с одной стороны, с уже упоминавшейся критичностью самовосприятия, а с другой стороны – с тем, что в XIX в. и даже ранее, а также (по-особому) в XX в. Польша была для России проводником европейской культуры, и сами поляки часто воспринимались в контексте активных культурных связей. Особенно же на современный стереотип, конечно, повлияла ситуация эпохи застоя, когда, как мы писали выше, в обстановке жизни за железным занавесом Польша была одним из главных источников европейской культуры.

Итак, выше мы рассмотрели сравнительные данные по стереотипным чертам в порядке убывания их рейтинга для польской выборки. Отметим еще раз последовательность, в которой они идут в представлении русских: *патриотизм, религиозность, культурность, традиционность, трудолюбие, чувство юмора, «себе на уме», предприимчивость, открытость, храбрость, гордость, заносчивость, страсти к выпивке, вспыльчивость, лень*.

Подытоживая данный раздел, выделим несколько основных замеченных тенденций.

Во-первых, степень выраженности качеств, приписываемых полякам русскими, в целом была выше степени выраженности автостереотипных, что говорит о большей склонности к обобщениям.

Во-вторых, многие исторически закрепившиеся стереотипные черты по-прежнему имеют большой вес в представлении о поляках, однако во всех случаях сами поляки оценивают их несколько ниже, чем русские.

В-третьих, во многих случаях сами поляки склонны выше оценивать свойственность им негативных черт, чем русские, и наоборот, – уступать в оценке позитивных. В этой связи особенно показательно, что максимальный разрыв (18,5 % и 16,1 % соответственно) наблюдается при оценке *лени* поляков (выше у поляков) и их *культурности* (выше у русских).

Из всего вышесказанного наиболее существенным нам кажется последнее, поскольку оно согласуется с высказанным выше предположением о том, что исторически образы поляка как бы идут навстречу друг другу: автостереотип становится более самокритичным, гетеростереотип же, напротив, более доброжелательным. Возможно, в наших результатах эта тенденция предстала в несколько гипертрофированном виде, но само её существование, на наш взгляд, несомненно.

В этой связи интересно провести сравнение с исследованием, проведённым в 1998 г. Университетом Чикаго (National Opinion Research Center). В нём анализировались факторы национальной гордости для разных народов: респондентам предлагалось напротив каждого из десяти факторов отметить баллом от 1 до 5, в какой степени успехи его страны в этой области вызывают его гордость. Подсчитывался и общий балл: из возможных 50-ти (оценка «5» по всем факторам) максимальный показатель был для Ирландии (39,3), минимальный – у Литвы (27,8). Польша с коэффициентом 28,2 оказалась третьей с конца, немного «обогнав» Рос-

сию (28,0). Однако нас больше интересует другое: рейтинг различных факторов национальной гордости для поляков. Первой здесь оказалась история (3,8), далее – искусство и литература (3,4), наука и техника и армия (оба по 3,1), спорт (2,8), политическое влияние (2,6), справедливое и равное отношения к различным социальным группам (2,5), хозяйство и демократия (оба по 2,4) и общественное обеспечение (2,2)²⁰.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МЕСТЕ И РОЛИ ПОЛЬШИ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ:
СРАВНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСА
(СОГЛАСИЕ/НЕСОГЛАСИЕ С УТВЕРЖДЕНИЯМИ)**

Третья часть опросника, разработанная нами самостоятельно, представляет из себя пятнадцать разноплановых утверждений, касающихся места и роли Польши на мировой арене. Основываясь на них, респондентам предлагалось высказать своё мнение, выбрав один из пяти вариантов ответа: «не соглашаюсь», «скорее не соглашаюсь», «затрудняюсь с ответом», «скорее соглашаюсь» и «соглашаюсь». Сами утверждения мы брали из разных источников: это и высказывания, которые нам неоднократно случалось слышать лично, и менее распространённые мнения, оценка которых респондентами показалась нам важной, и, наконец, суждения, имевшие достаточную популярность в предшествующие эпохи, современное отношение к которым мы также сочли достойным изучения.

При интерпретации результатов нас интересовало не столько, какой конкретно ответ наиболее часто выбирался представителями двух групп, сколько то, в какую сторону и насколько сильно была смещена оценка в целом. Это число подсчитывалось в процентах, так что за –100 % принималось абсолютное несогласие с утверждением (все респонденты выбрали первый вариант ответа), а за +100 % – абсолютное согласие (соответственно, все респонденты выбрали пятый вариант ответа). Именно по такому принципу мы сравнивали ответы русских и поляков. Общая оценка ими того или иного утверждения (согласие – положительное значение коэффициента, несогласие – отрицательное) и степень выраженности такой оценки или, иначе говоря, согласованности ответов респондентов на вопрос. Распределение процентов можно увидеть на рис. 2 (см. Приложение).

Начнём рассмотрение с тех утверждений, с которыми в основном согласились и русские, и поляки (в порядке убывания выраженности согласия). Затем проанализируем варианты ответов, с которыми б\ольшая часть респондентов не согласилась (по тому же принципу). И, наконец, перейдём к тем двум утверждениям, оценка которых русскими и поляками различается.

Итак, наиболее однозначно и поляки, и русские выразили своё согласие с утверждением, что «Польша – полноценная Европейская страна». Уверенность поляков в этом факте составляет 46,3 %, русских – 35 %, причём для поляков это

единственный вопрос во всём разделе (для обеих выборок), где наибольшее количество людей дали однозначный ответ – «согласаюсь» (29 из 64).

На втором месте по популярности оказалось утверждение, что «*славянские народы, включая поляков, имеют между собой нечто общее, отличающее их от других народов*», с ним согласилось 34,4 % поляков и 30 % русских.

По трём другим вопросам обе группы респондентов также были склонны к согласию, однако с куда меньшей степенью определённости. Например, идея, что «*поляки часто преувеличивают роль своей страны в истории и свой вклад в мировую культуру*», была поддержана самими поляками с уверенностью 8,8 % и русскими – с уверенностью 10 %.

Ещё менее выражено согласие респондентов с тем, что «*поляки во многом похожи на русских*» – для поляков полученное значение составляет 4,4 %, для русских 3,8 %.

Кроме того, по одному вопросу поляки и русские, хотя и высказались в среднем утвердительно, однако с разной степенью уверенности. Речь идёт об утверждении, что «*Польша в значительной степени – представитель славянских народов в Европе*», причём интересно, что русские скорее согласны с этим (18,1 %), чем сами поляки (5 %). Это единственный вопрос, по которому русские, в целом также согласившись с утверждением, высказали бóльшую согласованность, чем поляки.

Что же касается утверждений, по которым респонденты выразили несогласие, то здесь максимальный процент согласованности проявился при оценке утверждения «*поляки – „неправильные“ славяне, променявшие общеславянские идеалы на западные ценности*», т. е. того, что в XIX в. вкладывалось в России в клише «Польша – Иуда славянства» и ему подобные. С этим решительно не согласились не только сами поляки (–62,5 %), но и русские – менее решительно, но также с максимальным для себя отрицательным коэффициентом (–49,4 %).

Далее – другое клише, популярное в своё время в Польше и сформулированное нами таким образом: «*Польша – форпост европейской цивилизации, защищающий её от восточной угрозы*». Сами поляки уверенно отрицают эту идею (коэффициент –56,9%), русские – менее уверенно (коэффициент –42,5 %). Результат более чем странный, при том, что под «восточной угрозой», очевидно, имеется в виду в первую очередь сама Россия.

Однако практически также рьяно отрицается обеими группами и другое, а именно, что «*Польша культурно далека от Западной Европы и никогда не сможет по-настоящему в неё войти*». Степень несогласия с этим поляков составила 56 %, русских – 45 %. Этот результат интересен тем, что данная идея – в разное время и в разной форме – существовала и в российском, и в польском обществе.

Ещё одна радикальная позиция, распространенная ранее как важный элемент польского самовосприятия и связанная с изоляционизмом, также вызвала сильное несогласие: «*Польша – оплот христианства в Европе, зажатый между отступ-*

нической Восточной церковью и растлившимся Западом». Для поляков степень такого несогласия составила – 45 %, для русских – 41,9 %.

Другое утверждение, во многом перекликающееся с тем, что касается вхождения в Западную Европу и различия ценностей, также было оценено отчётливо отрицательно. «Проблемы Польши связаны с тем, что она пытается принять чуждые для себя европейские нормы» – поляки не согласились с таким утверждением с уверенностью – 53,1 %, русские – с уверенностью – 36,6 %.

Несколько менее решительно было высказано несогласие с утверждением, что «Граница Европы проходит там, где находится восточная граница Польши». Для поляков уверенность в том, что это не так, составила – 46,9 %, для русских – –30,6 %.

Существующая сейчас, по нашим наблюдениям, точка зрения, что «Польша часто унижается перед более сильными государствами в надежде получить какую-то выгоду», не нашла поддержки среди респондентов, однако степень несогласия с ней была всё же меньше, чем в описанных выше случаях: –20,7 % для поляков и –12,5 % для русских.

В рамках общего несогласия, однако с разной степенью уверенности в нём, оценили поляки и русские утверждение, что «у Польши нет настоящих друзей, все страны постоянно пытаются её покорить или использовать»: 30 % и 9,4 % соответственно.

И, наконец, по двум утверждениям оценка представителей двух народов различалась не только степенью, но и вектором.

Представление, что «негативные черты польского национального характера возникли из-за тяжёлой борьбы за независимость Польши и исторических конфликтов с другими государствами», русские разделяют с уверенностью 4,4 %, сами же поляки с ним не соглашаются (–17,5 %)

Утверждение же, что «Польша является мостом между Восточной и Западной Европой», сами поляки в основном поддерживают (18,8 %), а русские – нет (–6,9 %).

Эти интересные, на наш взгляд, и довольно противоречивые результаты мы попытаемся проанализировать, сопоставив с данными, полученными из других источников (от свободных опросов и публицистики до форумов).

МЕСТО ПОЛЯКОВ НА МЕНТАЛЬНЫХ КАРТАХ ПОЛЯКОВ И РУССКИХ

Итак, первое, что мы должны констатировать, анализируя вышеописанные результаты опроса, это то, что в общих своих чертах видение роли и места Польши у поляков и русских сходно. Противоречивые точки зрения встречаются в обоих случаях, однако тенденция схожа и состоит в том, что оценка русскими и поляками предложенных высказываний качественно различается лишь в двух пунктах, а в остальных тринадцати – сходится. Возьмём это принципиальное сходство за

основу и попытаемся описать полученную картину, попутно анализируя и имеющиеся различия.

Также сразу оговорим, что из этих тринадцати пунктов, по которым общая оценка поляков и русских сходится, лишь в двух русские выявили большую степень уверенности. То есть в основном поляки оказались более единодушными в оценке, что неудивительно, поскольку вопросы касаются их самих, а, значит, их точка зрения по этому вопросу более определённая (русские респонденты могли и не задумываться о некоторых вопросах).

Итак, в оценке двух утверждений и русские, и поляки проявили наибольшее единодушие: Польша – полноценная европейская страна, а славянские народы, включая поляков, имеют между собой нечто общее, отличающее их от других народов. В данном разделе вопросы, подробно рассмотренные в предыдущем, не приводятся полностью. Их можно увидеть в виде единого списка на рис. 2 Приложения.

Таким образом, в ментальной карте обоих народов принадлежность к Европе и к славянству (как к некоторой культурно-психологической, а не только лингвистической общности) друг другу не противоречат. Это подтверждается и тем, что, при высокой степени согласия по первому вопросу (т. е. что Польша включена в Европу), мнение, согласно которому восточнее Польши Европа заканчивается (девятый вопрос), не нашло поддержки особенно у поляков: т. е. народы, проживающие восточнее (а это, в первую очередь, – славянские народы), также относятся к Европе.

Однако, несмотря на такие данные количественного анализа, изучение свободных описаний даёт нам иную картину: в довольно большом количестве характеристик поляков «европейская» и «славянская» сущность противопоставлены друг другу, рассматриваются как дихотомия, в рамках которой полякам приписывается то или иное место. Например, *«они в первую очередь европейцы, а только потом уже – славяне»* (женщина, старше 32 лет); *«у них в душе даже серьезнее, чем у русских, стоит проблема разделения "Восток–Запад", "славянство–западноевропейство". На вид они совершеннейшие европейцы, но в них глубоко есть что-то такое общеславянское»* (мужчина, младше 32 лет); *«славяне, пытающиеся доказать всему миру, что они европейцы»* (женщина, старше 32 лет).

В ответах поляков такая постановка вопроса встречается реже, но всё же встречается: *«однако польский народ всё ещё остаётся чем-то особым, может, уже более европейским, но вместе с тем ещё и славянским, ну и просто польским»* (женщина, младше 34 лет) [В оригинале высказывание такое: *«Jednakże naród polski jest wciąż czymś odrębnym, może już bardziej europejskim, ale też ciągle słowiańskim i po prostu polskim»*.] Или, например, вот как один русский респондент выразил существующую на его взгляд позицию поляков: *«хотим быть европейцами», «мы не такие уж славяне, славяне – это Беларусь и правее»* (мужчина, младше 32 лет, русский).

Многие респонденты, по нашим впечатлениям, говорили о принадлежности Польши к Европе, как о чём-то само собой разумеющемся (напр., «*Никак не выделяю [поляков] среди других европейцев*» (мужчина, старше 32 лет, русский); «*поляки в моём восприятии являются цивилизованным европейским народом*» (мужчина, младше 32 лет, русский); «*мы не худшие и не лучшие – такие средние европейцы*» (мужчина, младше 34 лет, поляк) [В оригинале – «*Nie jesteśmy ani najgorsi ani najlepší – taka srednia europejska*». К сожалению, точный перевод, объясняющий употребление женского рода нам найти не удалось.] Иногда подчёркивается такой аспект «европейскости», как давнишние культурные связи со странами «старой Европы»: «*Культурно Польша всегда была как-то связана с Западной Европой, и какой-нибудь итальянец или француз, осматривая наши музеи, может чувствовать себя, как дома*» (мужчина, младше 34 лет, поляк) [В оригинале – «*kulturowo Polska zawsze była w jakiś sposób związana z Europą Zachodnią i jakiś Włoch lub Francuz zwiedzając nasze muzea może się poczuć jak w domu*».]

Для многих, по всей видимости, главным критерием принадлежности Польши к Европе является членство в Евросоюзе, для других Европа – понятие, в первую очередь, – географическое. Например, вот как прокомментировал вопросы анкеты один поляк (младше 34 лет): «*Вопрос о том, является ли Польша европейской страной, хмм... довольно странный. Достаточно посмотреть на карту. (...) Граница Европы находится на Урале. Это что, проверка знания географии?*» [В оригинале – «*Pytanie o to, czy Polska jest krajem europejskim, jest hmm... dość dziwne. Wystarczy spojrzeć na mapę. (...) Granica Europy znajduje się na Uralu. Czy to sprawdzian wiedzy geograficznej?*»]

Впрочем, для многих Польша – «не совсем Европа». Это проявляется иногда в осторожных определениях: например, «*страна европейского типа*» (мужчина, младше 32 лет, русский) или «*поляки являются носителями „высокой европейской культуры“, т. к. тесное общение с народами Западной Европы чудесно способствовало принятию европейского образа жизни и соответствующих ценностей*» (женщина, до 32 лет, русская). Иногда эта идея формулируется более сознательно: «*они почти Европа, и это почти – хроническое*» (женщина, старше 32 лет, русская), «*были когда-то частью великой империи, теперь же рядовой народец Европы, притом Восточной, а Восточная Европа – недоЕвропа*» (женщина, младше 32 лет, русская). В этом высказывании не менее интересен такой аспект, как «ностальгия по империи» и восприятие Польши как её части. Ниже мы ещё вернёмся к этому вопросу.

При упоминании поляками своего не полностью европейского состояния, которое не так уж редко в ответах респондентов, привлекает внимание одно важное различие: идёт ли речь о *вхождении* в Европу или о *возвращении* в неё. Для сравнения: «*Мы хотим войти в Европу и сравняться с ней, но при этом теряем, к несчастью, часть самих себя*» [В оригинале – «*Chcemy wejść do Europy i jej do-*

równać, ale przy tym zatracamy niestety część siebie samych»] и «В стране надо ещё порядочно сделать, чтобы после стольких лет коммунизма в цивилизационном плане вернуться в Европу» [В оригинале – «W kraju sporo jest jeszcze do zrobienia zeby po latach komunizmu wrocic cywilizacyjnie do Europy».] Между прочим, оба респондента – одного пола (мужского) и принадлежат к младшей возрастной категории (до 34 лет).

Последнее мнение разделяют и некоторые русские респонденты: «Польша и поляки – часть Европы, поуродованная пребыванием в совке» (мужчина, старше 32 лет, русский).

Интересно, что иногда противопоставление формулируется иначе: «Это славяне-католики и потому они служат буфером двух культур и одновременно являются "недо-своими" в каждой из них» (мужчина, младше 32 лет, русский). Очень интересно такое смещение конфессионального и языкового фактора, видимо, для автора высказывания «правильными» славянами являются только православные, а тот факт, что поляки – далеко не единственные славяне-католики (а есть также и протестанты!), не известен ему или не является настолько значимым, насколько «неправильность» Польши. Возможно, это мнение связано с оценкой утверждения, что «поляки – „неправильные” славяне, променявшие общеславянские идеалы на западные ценности», которое, впрочем, оказалось, как мы писали выше, наименее популярным среди респондентов из обеих групп.

Бросается также в глаза, что часто упоминается не понятие «Европа», а понятие «Запад»: «[поляки] славянское происхождение акцентируют куда меньше, принадлежат скорее к Западу» (мужчина, младше 32 лет), «поляки все время стараются доказать всем и самим себе, что они действительно люди Запада полностью» (мужчина, до 32 лет). На наш взгляд, это связано с двумя моментами: во-первых, понятие Запад включает в себя как минимум США (а это очень существенно в случае Польши), а во-вторых – употребление этого термина, менее конкретного, позволяет уйти от вопроса, принадлежат ли славяне Европе.

Далее, возвращаясь к ответам по согласию/несогласию с утверждениями, хотелось бы проанализировать отношение респондентов к тому, что «поляки представляют славян в Европе» (третий вопрос). Как мы помним, степень согласия с этим утверждением русских в 3,5 раза выше, чем у поляков, при этом, оценка факта наличия общности славян была заметно выше и, к тому же, ближе у двух групп респондентов. По всей видимости, это связано с тем, что русские воспринимают Европу как нечто более чужеродное, в чём требуется некое «представительство», поляки же предпочитают входить туда непосредственно, «в личном качестве», представляя в первую очередь самих себя.

Максимальная степень солидарности респондентов в несогласии с утверждениями об отдалённости от Западной Европы, защите европейской цивилизации от западной угрозы и предательстве славянства подтверждает то, о чём говорилось

выше, а именно отсутствие противопоставления славянства и европейскости. Тут отрицается оторванность поляков и от одной общности, от другой, и вообще, по сути, наличие необходимого барьера (и форпоста) между ними. Об этом же говорят и ответы на другие утверждения (почти столь же резко отрицательные): о том, что граница Европы – это восточная граница Польши, что проблемы Польши связаны с попыткой принятия чуждых европейских норм и что Польша – оплот христианства в Европе. Некоторые польские респонденты с возмущением писали, что идея об «оплоте христианства», как и многие другие, является анахронизмом и не имеет актуальности для современных поляков. В ответах на этот блок вопросов, опять же, солидарны, в общем, и русские, и поляки (хотя, как мы уже говорили, поляки – с бóльшей уверенностью).

Интересна довольно высокая степень согласия поляков с утверждением, что они часто преувеличивают значимость своей страны (причём практически такая же большая, как и у русских). Это является, на наш взгляд, ещё одним подтверждением их тенденции к самокритичности и менее пристрастному, чем прежде, переосмыслению истории своей страны. Приведём в пример несколько высказываний из польской выборки: *«у поляков есть тенденция к переоценке своей исключительности, особенно и похвального прошлого»* (женщина, младше 34 лет) [В оригинале – «Polacy mają tendencję do przeceniania swojej wyjątkowości, szczególnie i chwalebnej przeszłości»]; *«долгие годы нас учат, что мы – фантастический народ, подчёркивают наши великие успехи, одновременно подчёркивают народные несчастья и соперничество с соседями»* (мужчина, младше 34 лет) [В оригинале – «Od lat uczy się nas, że jesteśmy fantastycznym narodem, podkreśla się wielkie sukcesy, jednocześnie podkreśla się narodowe klęski i rywalizację z sąsiadami»]; *«Слишком гордые и спесивые, переоценивают свою роль в мировой политике»* (женщина, младше 34 лет) [В оригинале – «Zbyt dumni i zadufani w sobie, przeceniają swoją rolę w polityce światowej»]; *«мания величия, эгоцентризм, всё то же мессианство(!)»* (женщина, старше 34 лет) [В оригинале – „Megalomania, egocentryzm, wciąż mesjanizm (!)»]

Интересен и другой момент, свидетельствующий о самокритичности поляков. Утверждения, что у Польши нет настоящих друзей (которое было довольно популярно в XIX–XX вв.) и что негативные черты польского характера возникли из-за исторических обстоятельств (т. е. полякам изначально не присущи), в целом были оценены поляками отрицательно, особенно первое. То есть поляки не слишком склонны оправдывать свои недостатки и проблемы влиянием и злокозненностью других, хотя, безусловно, мнение такое есть, и оно не является совсем уж редким. Например, такая точка зрения (аналогичная приведённой в утверждении) была высказана одной польской респонденткой: *«к наибольшим проблемам нужно отнести индивидуализм и эгоизм (импорт с Запада) и жизненную пассивность (которая также является эффектом коммунистического периода)»* (женщина, старше

32 лет) (В оригинале – «Do największych problemów należy zaliczyć pogłębiający się indywidualizm i egoizm (import z Zachodu) oraz życiową bierność (która też jest efektem okresu komunistycznego»).] Кроме того, такая тенденция наблюдается, к примеру, в серии публицистических очерков на сайте www.albumpolski.pl, посвящённых различным чертам польского характера: положительные черты описаны там, как исконно присущие полякам, а отрицательные – как позаимствованные у других народов²¹. Именно прочтение этих статей заставило нас включить в анкету данный вопрос. Пример мнения, что все мнимые союзники поляков их предадут, можно найти в Интернете при обсуждении поляками нынешней политики: «Запад продал нас в Ялте, Тегеране и Потсдаме, и теперь нас продадут»²². Однако подчеркнём ещё раз, по данным нашего опроса, такие точки зрения в основном не находят поддержки у поляков.

Намного интереснее, впрочем, тот факт, что на эти два вопроса (о том, что Польшу все использовали, и что негативными чертами поляки обязаны историческим коллизиям) русские намного чаще отвечали утвердительно, чем поляки. Разница практически максимальная по всем вопросам: по нашей методике подсчёта это свыше 20 % в обоих случаях! Более того, по вопросу об инородности негативных черт тенденцией для русских (в отличие от поляков) было именно согласие (4,4 %, как мы писали выше – это один из двух вопросов, где отличается не только степень, но и вектор оценки).

Объяснить этот удивительный в какой-то мере факт можно, опять же, тем, что при усилении самокритичности поляков русские, наоборот, склонны относиться к ним с возрастающей (по крайней мере, в XX в.) симпатией, постепенно осознавая историческую вину России перед Польшей и даже, по нашим впечатлениям от свободных описаний, во многом идеализируя поляков. Именно поэтому возможность списать неприятные им черты польского характера на постороннее влияние пользуется у них сравнительным успехом. Разумеется, нельзя переоценивать значение этих цифр в абсолютном плане, однако относительные значения ответов русских и поляков представляются очень интересными и показательными.

Впрочем, другой стереотип – что Польша часто унижается перед другими государствами ради выгоды (довольно популярный в России с XIX в. по новейшее время и в Польше, начиная с XX в.) – был по большей части отвергнут представителями обоих выборок, особенно поляками, несмотря на всю их растущую самокритичность. С другой стороны, необходимо сказать, что примеры такого мнения есть и в публицистической литературе, и в Интернет-источниках, и в результатах свободных описаний нашего исследования. Например, для сравнения – цитаты с польского форума, где обсуждалась актуальная геополитическая ситуация, из высказываний некоего российского журналиста середины 1990-х гг. и одного из наших русских респондентов: «[Польша] алчная европейская проститутка, надеющаяся, что если она угодит кому-то, то ей за это что-то обломится»²³;

«Все прежние [польские] правительства на коленях ждали в прихожих Берлина и Москвы»²⁴; «Ты едешь по всему миру за куском хлеба. И за свое обожание, болтовню о великой Америке и влезание в задницу теперь заплатишь высокую цену, и будешь платить до тех пор, пока не поймешь, что свои глупые сантименты можешь себе засунуть сам знаешь куда, если ничего не можешь предложить Западу и не имеешь на грош гордости»²⁵; «У меня сложилось впечатление, что они, пардон, торгуют ж... и толком не знают, под кого бы прогнуться, чтобы „и рыбку съест, и на пароходе покататься”» (мужчина, младше 32 лет, русский). Напомним, впрочем, что по количественным результатам этой выборки такая точка зрения не нашла подтверждения у большинства респондентов.

Мнение, что поляки во многом похожи на русских, в основном поддерживалось и теми, и другими, хотя и с небольшой степенью уверенности. Однако польские респонденты в своих свободных описаниях практически не говорили об этом аспекте, тогда как русские – довольно много, иногда подчёркивая и отличия. Например: «пьют не меньше русских, но крайне редко опускаются до алкашеского состояния (...) Раздолбай не меньше русских, но только живут лучше русских*» (женщина, старше 32 лет), «большая жизнерадостность, чем у русских» (женщина, старше 32 лет), «как бы поляки это не отрицали, они на русских похожи. Например, до недавнего времени в Варшаве были те же колдобины на дорогах, что и у нас в городах. Небрежность, разгильдяйство, лень... это нормально» (женщина, младше 32 лет), «вообще по темпераменту, как мне кажется, они к русским близки» (женщина, младше 32 лет), «поляки – они загадочные весьма. Вроде, гораздо больше похожи на русских, чем те же чехи или балканские славянские народы, а с другой стороны – совсем даже и не похожи» (мужчина, младше 32 лет).

Скажем между прочим, поскольку отдельно этот вопрос нами не рассматривался, что очень многие русские респонденты, давая характеристику полякам, говорили об их отношении к русским. Приведём несколько высказываний: «[поляки] сдуру не любят русских, хотя все остальные в мире не любят самих поляков и не считают их за людей. Только поляки этого не понимают» (женщина, старше 32 лет); «к русским относятся нейтрально или отрицательно – насколько я поняла, это связано с давлением, которое оказывал на страну Советский Союз, обязательным изучением русского языка в школах и т. п. (будучи туристом, вы, скорее всего, этого не почувствуете)» (женщина, до 32 лет); «полякам свойственны зависть и недоброжелательность. Особенно в отношении русских» (женщина, старше 32 лет); «русских [поляки] не любят за проводимую Россией захватническую политику до XX в. и за желание ухватить часть влияния после Второй мировой войны» (женщина, младше 32 лет); «[поляки –] нация, частично страдаю-

* Автор этого высказывания, по собственным словам, привела «несколько тезисов – расхожих стереотипов» о поляках, пояснив, что сама согласна с ними где-то на 70 %. В п. 1, на который она ссылается в приведённой цитате, говорится: «поляки – торгаши».

щая неоправданной русофобией в силу событий минувших лет» (мужчина, старше 32 лет); «к остальным славянам (чехам, венграм, русским, украинцам, и т. д.) относятся пренебрежительно, я бы даже сказал свысока» (мужчина, старше 32 лет); «они нас за что-то ненавидят (насколько я понимаю, это идёт из далёкой глубины веков, они уже давно и люто ненавидели Россию ещё во времена Ивана Сусанина). Знать бы ещё, за что... (...) Я, хоть убейте, не понимаю, чем мы могли заслужить эту ненависть. Мы вроде их исконные земли не захватывали, население их не истребляли, веками не угнетали, в рабство не заключали... Даже в древности не было такого, насколько мне известно (мужчина, старше 32 лет). Как мы видим по этим высказываниям, вопрос отношения поляков к русским для многих является болезненным, но не все при этом находят достаточные исторические причины для такого отношения, что порождает обиду и непонимание.*

Отметим, что представление русских о плохом отношении к ним поляков является очень устойчивым в последние годы. Одним из ярких примеров такого мнения в публицистике является поистине захватывающая статья писателя Виктора Ерофеева «Будь я поляком», в которой он гипертрофированно описывает, как бы он в таком случае относился к русским. Этот текст достоин более полного цитирования, однако приведём хотя бы несколько моментов: «*Будь я поляком, я бы все русское ненавидел и презирал до бесконечности. Хаос, грязь, помойка мира – а при этом весь мир хотят переделать по собственному образу. (...) Будь я поляком, я бы очень просто доказал русским, что у них нет ни совести, ни исторической памяти. Я бы провел в России социологический опрос, из которого бы выяснилось, что не больше пяти процентов русских знают о существовании Катыни, а о том, что там произошло, знают еще меньше. Они до сих пор уверены, что виноваты немцы. Только я бы никогда не поехал в Россию, потому что мне там делать нечего. Будь я поляком, я бы думал, что русские только и делают, что думают о Польше. Я бы думал: вот глупая страна, у них много других дел, а они думают только о Польше. О том, как бы нас заново завоевать»²⁶.*

И, наконец, возвращаясь к опросу по согласию/несогласию с утверждениями, рассмотрим последнее утверждение, по которому разрыв между поляками и русскими максимальный: «*Польша является мостом между Восточной и Западной Европой»*. Как мы помним, поляки его довольно уверенно поддержали, тогда как русские, напротив, были в основном не согласны с такой постановкой вопроса. Возможно, в оценке этого утверждения, в отличие от многих других, сказались не новые, а, напротив, очень давние стереотипы. Для поляков представление о посредничестве их страны при взаимодействии Востока и Запада заключается в том, что «буферное» положение страны позволяет им понимать каждую из этих

* Здесь, кроме того, интересен отсыл к славянам, относящийся к рассматривавшейся нами теме, и включение в их число венгров.

двух культур лучше, чем это получается у каждой из них при непосредственном контакте.

Сложно сказать, как сочетается это мнение с описанным выше отсутствием противопоставления Европы и славянства, – по всей видимости, оно всё же подразумевает не однообразность, а некий континуум, в котором Польша занимает центральное, стратегически выгодное положение, позволяющее ей быть таким мостом. Впрочем, это лишь наше предположение, вообще же это мнение поляков противоречит выводам, сделанным нами ранее по результатам опроса. Возможно, это утверждение как раз активно поддерживалось людьми, для которых граница между Западной и Восточной Европой (или Европой и славянством) была более значима, чем для большинства респондентов. Для русских же несогласие с этим вопросом показывает, что Россия сейчас не нуждается в посредниках и может общаться с Европой непосредственно. Действительно, до XX в. неизбежность этого посредничества была обусловлена географией (из России в Европу и обратно удобнее всего ехать через Польшу; так перемещались и отдельные люди, и культурные явления); затем появилось авиасообщение, позволяющее быстрее и проще совершить этот переход. Однако в советское время Польша все еще оставалась посредником, но уже по политическим причинам. Теперь же оба фактора исчезли: ни дальнейшее расстояние, ни железный занавес не мешают русским непосредственно контактировать с Западной Европой, и необходимость в посредничестве Польши попросту отпала.

ОБРАЗ ПОЛЯКОВ И ПОЛЬШИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ: ВЫВОДЫ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, подводя итоги данного исследования, мы хотели бы выделить несколько основных аспектов проблемы, которые, на наш взгляд, нам удалось выявить.

Во-первых, многие традиционные стереотипы поляка (как в России, так и в Польше) утратили своё место и ушли на второй план, а то и вовсе исчезли – это относится как к стереотипным представлениям о чертах характера (особенно в оценке самих поляков), так и к значимым утверждениям, касающимся положения Польши на ментальной карте обоих народов.

Во-вторых, оценка поляками и русскими степени выраженности у поляков различных качеств и рейтинг этих качеств существенно разнятся между собой. Лишь о нескольких качествах можно сказать, что русские и поляки оценивают их примерно одинаково.

В-третьих, относительно оценки утверждений можно сказать, что поляки склонны проявлять б\ольшую, чем русские, согласованность (коллективную уверенность) при оценке различных суждений.

В-четвёртых, у русских и поляков намечена одна общая, по сути, тенденция, оказывающаяся как бы разнонаправленной: у поляков это самокритичность и стро-

гая переоценка роли своего государства, у русских – активизация в первую очередь положительного стереотипа поляка, уважение к собственно культурно-политической идентификации Польши как европейской страны.

В-пятых, вышесказанное проявляется по-разному при оценке, с одной стороны, черт характера поляков и, с другой, – геополитической роли Польши и некоторых нюансов польского менталитета. В первом случае возникают очень разные картины, с акцентом на разных качествах и с совершенно непропорциональной оценкой одних и тех же особенностей, а во втором – получаются картины по большей части идентичные, различающиеся всего по нескольким вопросам, а также по степени уверенности, которая в целом выше у поляков.

Стоит также сказать о конкретном содержании вышеупомянутых особенностей. Что касается свойств характера, выявилась следующая картина: наиболее выраженными своими качествами из предложенных поляки считают *патриотизм, чувство юмора, заносчивость и «себе на уме» (с хитринкой)*, а русские у поляков – *патриотизм, религиозность, культурность и традиционность*. Наименее же выраженными у поляков сами они считают *культурность, гордость, предприимчивость и трудолюбие*, а русские – *лень, вспыльчивость, пристрастие к выпивке и заносчивость*. Таким образом, мы видим, что зачастую одни и те же качества оказываются в разных полюсах списка для русских и для поляков, причём русский взгляд на поляков заметно более лестный для последних.

Общая же для поляков и русских ментальная карта предполагает значительную открытость поляков: *отсутствие противопоставления Европы и славянства, высокоценную принадлежность Польши к обоим этим общностям, некоторую похожесть на русских, представительство Польшей славян в Европе (больше акцентированное поляками), отсутствие представления о необходимости изоляционизма и «закрывания» Польши как с западной, так и с восточной стороны, отрицание того стереотипа, что настоящих друзей у Польши нет и все мнимые союзники оказываются предателями*, кроме того, признание того, что поляки склонны *преувеличивать свою историческую роль*, однако несогласие с тем, что Польша *часто унижается перед другими государствами* – иными словами, картина довольно благожелательная и взвешенная. Принципиально различаются позиции поляков и русских по двум вопросам: поляки по большей части не объясняют неприятные черты своего национального характера историческими обстоятельствами, в отличие от русских, более склонных к такому оправданию западного соседа, зато они видят свою страну в роли моста между Востоком и Западом, чего русские не разделяют.

Подчеркнём ещё раз, что полученные в ходе исследования данные являются, во-первых, усреднёнными по выборке, составляющей в общей сложности свыше 128 человек (среди них встречались и крайние варианты, например, такое определение русской девушкой поляков: *«самые западные в Российской империи»*), а, во-

вторых, саму выборку можно считать лишь относительно репрезентативной, поскольку, как говорилось выше, она охватывает лишь узкий слой образованных, довольно активных социально, по большей части молодых людей. Однако, на наш взгляд, даже данные по такой несовершенной выборке могут отразить тенденции, существующие в интеллектуальной части русского и польского обществ, поскольку, как мы писали выше, именно идеи образованных людей чаще всего становятся стереотипами массового восприятия.

Подводя итоги работы, сформулируем кратко основные выводы. В своих представлениях поляки и русские постепенно сближаются, во многом уходя от традиционной и исторической оппозиционности восприятия себя и других. Поляки оценивают себя всё более критично и беспристрастно, русские же всё больше склонны видеть в поляках хорошее и преодолевать негативные стереотипы.

Разумеется, эти взаимонаправленные векторы не отменяют и более традиционных, направленных на конфронтацию, а амбивалентность обеих моделей восприятия поляка не подразумевает их идентичности. Тем не менее, тенденция к сближению общего характера представлений, проявляющаяся в первую очередь в интеллектуальных кругах, представляется нам очевидной.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990. С. 142–150.

² Smith T.W., Jarkko L. National Pride. A Cross-Cultural Analysis / National Opinion Research Center. University of Chicago May // <http://issp.org/natlid98.txt>; Bokszański Zb. Tożsamości zbiorowe. Warszawa, 2005.

³ Domańska E. [Re]Creative Myths and Constructed History. (The Case of Poland) // Myth and Memory in the Construction of Community. Historical Patterns in Europe and Beyond / Ed. by Bo Stråth. Brussels, 2000. P. 249–262.

⁴ Дворник Ф. Славяне в Европейской истории и цивилизации, М., 2001.

⁵ Аксёнова Е.П. А.Н. Пыпин о славянстве, М., 2006.

⁶ Миллер А. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России //

Новое литературное обозрение. 2001. № 52; Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Регионализация посткоммунистической Европы. М., 2001.

⁷ Стефаненко, Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколов С.Н. Методы этнопсихологического исследования, М., 1993. P. 8.

⁸ См., напр.: Носов Б. Представление о Польше в правящих кругах России в 60-е гг. XVIII в., накануне разделов Польши // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.

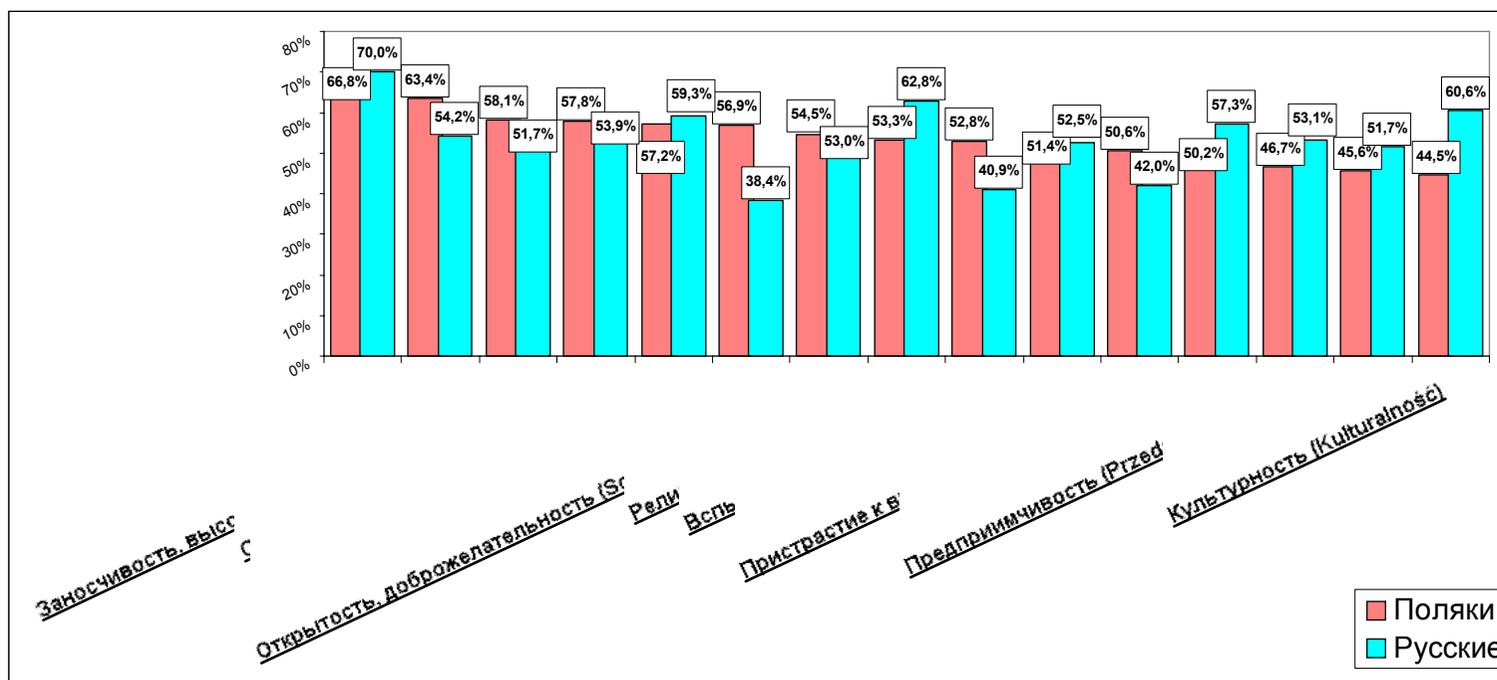
⁹ Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской культурной традиции. М., 2005.

¹⁰ Фалькович С.М. Влияние культурного и политического фактора на формирование в русском обществе представлений о Польше и поляках // Культурные связи России и Польши в XI–XX вв., М., 1998.

- ¹¹ Подробнее об этих аспектах см.: *Фалькович С.М.* Влияние культурного и политического фактора; *Липатов А.В.* Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (Государство и гражданское общество) // Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 134–156.
- ¹² *Хорев В.А.* О живучести стереотипов // Россия–Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 19.
- ¹³ *Bartaszek.* Naród // Szkoła, ściągę, wypracowania. 2004 // <http://szkola.gery.pl/2049.html>
- ¹⁴ *Domańska E.* [Re]Creative Myths and Constructed History; *Bartaszek.* Naród.
- ¹⁵ *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция и русское общество, М., 2005; *Смирнов Ю.И.* Польская тема в русском фольклоре // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2002; *Мочалова В.В.* Польская тема в русских памятниках XVI в. // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; *Филатова Н.М.* Русское общество о Польше и поляках накануне и во время восстания 1830–1831 гг. // Polacy a Rosjanie: materiały z konferencji «Polska–Rosja. Rola polskich powstań w kształtowaniu wzajemnych wyobrażeń». Warszawa; Płock. 14–17 maja 1998 r. Warszawa, 2000.
- ¹⁶ *Гачев Г.* Национальные образы мира. М., 1998. Р. 246.
- ¹⁷ *Аксёнова Е.П.* А.Н. Пыпин о славянстве. С. 242.
- ¹⁸ *Фалькович С.М.* Значение фактора Европы для истории, культуры, общественного сознания и менталитета поляков // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М., 2004. С. 59; *Миллер А.* Тема Центральной Европы.
- ¹⁹ *Alzna.* Polacy: jacy jesteście? // Album Polski 2006 // <http://www.albumpolski.pl/index.php?act=view&ktg=46&idt=430>; *Anka zet.* Jacy jesteście, Polacy? // http://www.sciaga.pl/tekst/24565-25-jacy_jestesmy_polacy; *Bugajska I.* Polak – nie brzmi dumnie // [Gazeta.pl](http://www.gazeta.pl) – portal internetowy. 2006 // <http://serwisy.gazeta.pl/metro/1,50145,3232514.html>; Forum gaduł – Jacy są Polacy? // Forum gaduł, 2004 // <http://gaduly.pl/topic/2116.htm>; *Insomnia.pl.* Polacy – analiza, charakterystyka. 2005 // http://www.isomnia.pl/Polacy_analiza_charakterystyka169964-s2.html; *Roszkowski W.* Jacy jesteście, kim być chcemy? // «Опока» – laboratorium wiary i kultury. 2006 // http://www.opoka.org.pl/biblioteka/I/IK/jacy_jestesmy_02.html и др.
- ²⁰ *Bokszański Zb.* Tożsamosci zbiorowe.
- ²¹ *Alzna.* Polacy: jacy jesteście?
- ²² *ИноСМИ.ru.* Польша проиграет, потому что глупый всегда проигрывает. 2006 // <http://www.inosmi.ru/stories/05/09/02/3453/231114.html>
- ²³ Цит. по: *Хорев В.А.* Польское восстание 1830 г. и развитие стереотипа восприятия Польши в русской литературе // Polacy a Rosjanie: materiały z konferencji „Polska–Rosja. Rola polskich powstań w kształtowaniu wzajemnych wyobrażeń”. Warszawa; Płock. 14–17 maja. 1998 r. Warszawa, 2000.
- ²⁴ *ИноСМИ.ru.* Польша проиграет, потому что глупый всегда проигрывает.
- ²⁵ *ИноСМИ.ru.* США отменят визы для русских? 2007 // <http://www.inosmi.ru/stories/05/09/02/3453/234432.html>
- ²⁶ *Ерофеев В.* Будь я поляком... // Московские новости. 1995. № 36.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рисунок 1. Рейтинг качеств

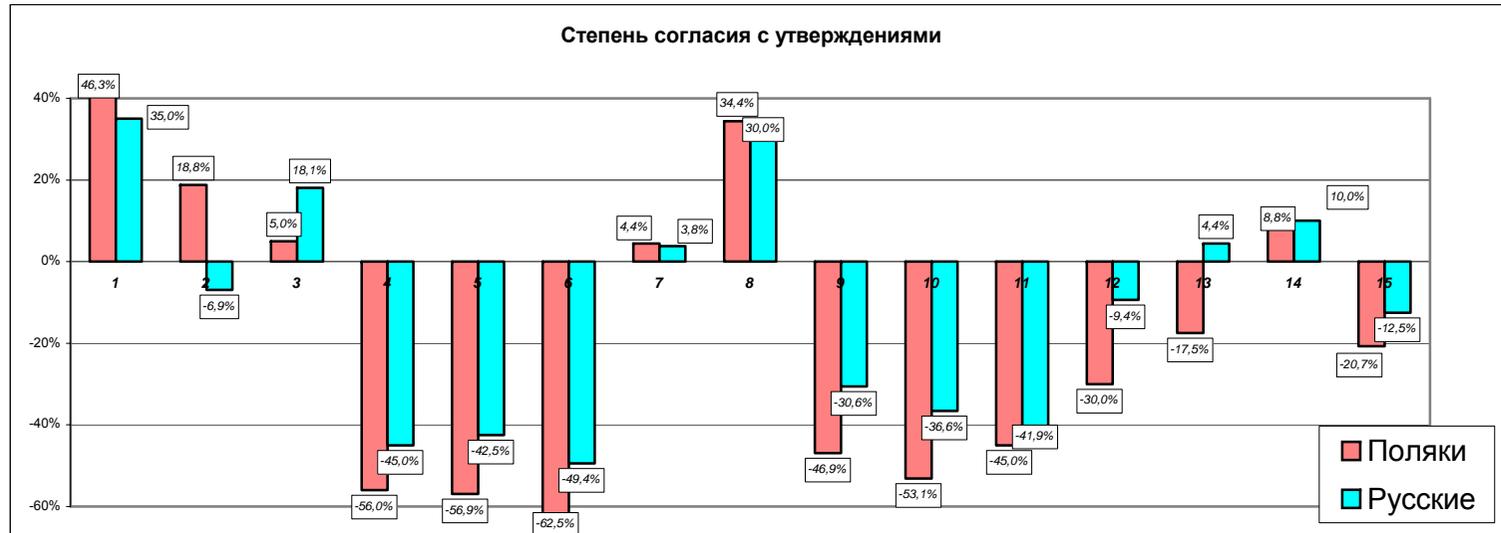

На диаграмме показан средний процент выраженности качества у поляков, данный по каждому из них представителями польской и русской выборок. Качества располагаются в порядке убывания их выраженности в оценке поляков.

Проценты приведены с точностью до 0,1%.

Рисунок 2. Согласие/несогласие с утверждениями:

1. Польша – полноценная европейская страна.
2. Польша является «мостом» между Восточной и Западной Европой.
3. Польша в значительной степени – представитель славянских народов в Европе.
4. Польша культурно далека от Западной Европы и никогда не сможет по-настоящему в неё войти.
5. Польша – форпост европейской цивилизации, защищающий её от восточной угрозы.
6. Поляки – «неправильные» славяне, променявшие общеславянские идеалы на западные ценности.
7. Поляки во многом похожи на русских.
8. Славянские народы, включая поляков, имеют между собой нечто общее, отличающее их от других народов.
9. Граница Европы проходит там, где находится восточная граница Польши.
10. Проблемы Польши связаны с тем, что она пытается принять чуждые для себя европейские нормы.
11. Польша – оплот христианства в Европе, зажатый между отступнической Восточной церковью и растлившимся Западом.
12. У Польши нет настоящих друзей, все страны постоянно пытаются её покорить или использовать.
13. Негативные черты польского национального характера возникли из-за тяжёлой борьбы за независимость Польши и исторических конфликтов с другими государствами.
14. Поляки часто преувеличивают роль своей страны в истории и свой вклад в мировую культуру.
15. Польша часто унижается перед более сильными государствами в надежде получить какую-то выгоду.

На диаграмме показана общая (средняя) выраженность согласия/несогласия респондентов каждой из групп с утверждениями и процент выраженности (согласованности) данной оценки.

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-58-79
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-495) 938-06-00

Валентина Викторовна Чубарова – аспирант Института этнологии и антропологии РАН, закончила РГГУ в 2007 г. Область ее научных интересов – исследование этнических стереотипов и национальных характеров, в первую очередь — славянских, с использованием методов социальной антропологии и этнопсихологии.

Valentina Chubarova – Post-graduate student at the department of European studies, Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, Interests: the studies of the ethnical stereotypes and national characters, chiefly the Slavs, from point of view of social anthropology and ethnopsychology.